

Луи Буссенар

Луи Анри Буссенар Ягуар-рыболов

OCR & Spellcheck Chemik

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159250

Научно-издательский центр «Ледомир»; 1992

Оригинал: LouisBussenard, "Jaguar pecheur"

Перевод:

А. Воронина

Аннотация

Рассказ «Ягуар-рыболов», публикуется на русском языке впервые.

Луи Буссенар

Ягуар-рыболов

– Право, сударь, – сказал мне несколько лет назад один знаменитый укротитель, – животные, традиционно именуемые хищниками, в действительности несправедливо оклеветаны человеком, или, лучше сказать, совершенно ему незнакомы. Путешественники, в особенности охотники, упрочили за ними скверную славу, против которой я стараюсь, увы, тщетно, бороться и продолжаю утверждать...

– Что ваши львы, медведи, тигры – невинные барашки, не так ли?

– Я бы не стал заходить столь далеко. Но настаиваю, что в условиях абсолютной свободы они никогда не нападут на человека первыми. Вы хорошо меня поняли: никогда! Так называемая свирепость диких зверей не идет дальше самозащиты. Они вступают в схватку, когда загнаны в угол или ранены.

– Вполне возможно, спорить не стану.

– Трудность, как вы понимаете, состоит не в том, чтобы убить большую дикую кошку, слона или носорога. Это дело не хитрое, если в руке карабин с разрывной пулей. Нет, трудность заключается в том, чтобы незаметно подкрасться к животному, которое чует человека на огромном расстоянии и убегает при его приближении, даже будучи голодным. Вы,

принадлежащий к убийцам, именуемым охотниками, убедитесь в том, если вдруг решитесь, как какой-нибудь Тартарен, отправиться воевать с большими хищниками.

... Эти слова припомнились мне пять или шесть месяцев спустя, когда, влекомый любовью к приключениям, я путешествовал в бассейне реки Амазонки, больше для собственного удовольствия, чем по научному заданию министерства народного просвещения.

Само собой разумеется, хотелось есть, поскольку дичь практически не водится в густых чащах, и особенно мучила жажда, – страшная, томительная, такая, какую можно испытывать, только находясь на три градуса выше экватора, в центре бесконечного, не доступного никаким ветрам строевого леса, задыхаясь под непроницаемым зеленым куполом великолепных жестколистых деревьев, характерных для экваториальной флоры.

Носильщики с запасами провианта отстали на полдня пути; со мной был только один индеец-проводник.

Тянулся бесконечный девственный лес, ничто не указывало на близость реки, предсказанной Йарурри, амазонским краснокожим.

Йарурри, без единой капли пота на лбу, продвигался вперед большими размеренным шагами, ступая босыми ногами по гигантскому лесному ковру из мхов, иголок и веток.

С грехом пополам, неповоротливый в своих сапогах, отягощенный портупеей, к которой были прикреплены револь-

вер и ножны моей сабли, увешанный ружьем, патронташем, шерстяными одеждами, каской, – короче, всем походным снаряжением, необходимым, по мнению цивилизованного человека, для путешествия в тропиках, – я следовал за ним.

Иногда, чтобы освежиться, приходилось мимоходом рубить саблей кору каучукового дерева, припадать губами к струйке растительного молочного сока, а затем, ускоряя шаг, нагонять своего проводника, совершенно нечувствительно к любой усталости и лишенного всякого сострадания.

Такой метод был больше чем просто плох.

Продолжая идти, я размышлял над нелепостью жизни: «Бог мой, до чего же глупо обсасывать непромокаемую одежду в надежде хоть немного утолить жажду».

Вдруг лес внезапно преобразился.

В нескольких шагах от меня виднелась огромная живая изгородь, за которой угадывалось свободное, залитое светом пространство. Высокие деревья исчезли, уступив место немыслимому сплетению лиан, цветов, водяных растений и орхидей.

Сомнения отпали, река рядом.

Я устремился было вперед с поспешностью человека, горло которого превратилось в настоящую Сахару, но индеец, медленно отведя рукой зеленый полог, повелительным жестом предложил осторожно следовать за ним.

За изгородью все разительно переменялось.

Наверху исступленно верещали попугаи и туканы. Колиб-

ри распевали над самым ухом, а касики свистели во все горло.

Йарурри, осторожно опустив руку мне на плечо, вновь призвал к особой осторожности. Я еще теснее прижался к нему, скорчившись за непроницаемым кустом ауары.

К чему столько таинственности? Вода хлюпала у меня под ногами, и жажда от этого становилась еще нестерпимей.

«Посмотри!» – прошептал наконец туземец, неслышно раздвигая ветки колючего кустарника, скрывавшего противоположный берег.

Ах! Бог мой! На мгновение я забыл жажду, высушившую все мои слизистые, и с трудом сдержал крик удивления.

Над водой, на другой стороне реки, не более чем в пятнадцати метрах от нас, неподвижно сидел великолепный ягуар, вытянув шею и выпустив когти, словно самый обыкновенный кот, подкарауливающий улейку.

Поглощенный этим занятием, он, казалось, даже не подозревал о нашем присутствии, и потому я смог не спеша рассмотреть его.

Пусть мои сент-уберские собратья простят меня, но охотник тотчас уступил место натуралисту, и, отбросив возникшую было мысль об убийстве, я смотрел во все глаза на прекрасного зверя, посасывая пулю, чтобы заглушить жажду.

Это был редкостный экземпляр. Длина его тела от морды до основания хвоста, по-видимому, составляла сантиметров сто семьдесят, а высота в загривке, как мне показалось, пре-

вышала девяносто!

Ворс ягуара, тонкий, гибкий, сверкающий, как шелк, местами топорщился, когда нервное сокращение приводило в движение какой-либо из мощных мускулов, рельефно выделавшихся на солнце. Ослепительно-белая шея, грудь, морда, внутренняя сторона ляжек, живот, раковины всегда подвижных ушей – все переливалось и вызывало восхищение.

Часть живота была золотисто-рыжая, усыпанная круглыми пятнышками цвета ржавчины, в центре которых причудливо соединялись две черные точки.

Лапа ягуара, застывшая над водой, разжалась как рессора... но поразила лишь пустоту.

«Неловкий», – едва слышно выдохнул индеец и бесшумно засмеялся.

Раздосадованный тем, что промахнулся, хищник провел по своим длинным, как метелка, усам мокрой лапой, потянулся, зевнул и сердито заворчал. Это походило на глухой, короткий, резкий рык – словно граблями провели по куску железа.

Наконец он поднял голову, жмурясь, посмотрел на солнце вытянутыми щелочками зрачков, убедился, что оно клонится к закату, и, казалось, сказал себе: «Однако пора бы и пообедать».

Прошла минута, но новых попыток со стороны рыболова не последовало. Мучимый, судя по всему, нестерпимым голодом, он, казалось, скрупулезно изучал новый план атаки.

Затем с медлительностью и благородством в движениях, присущих лишь диким кошкам, он вспрыгнул на нависший над рекой сук, расположился на нем и стал ждать, застыв как изваяние, не шевелясь и даже не жмурясь. Он находился всего в двадцати сантиметрах над водой, следя глазами за нижним течением реки.

Затаив дыхание, весь поглощенный необычным зрелищем, я боялся сделать малейшее неловкое движение и чувствовал, как пот ручьями струился по моему лицу.

Ягуар, совершенно не подозревая о нашем присутствии, продолжал спокойно наблюдать.

Вдруг он, к моему глубокому изумлению, опустил к воде рыжевато-черный кончик своего хвоста, проделав это с такой виртуозностью, что лишь несколько волосков коснулись поверхности.

Прикосновение крылышка бабочки или стрекозы не могло бы быть нежнее.

Внезапно догадка озарила меня. Сам случай предоставил возможность разрешить один из дискуссионных вопросов, над которым ломают головы натуралисты. Эх, узнать бы, подражает ли ягуар, руководствуясь каким-то необычным инстинктом, тем рыболовам, которые приманивают и ловят рыбу, заставляя подпрыгивать на воде закрепленную на крючке муху, живую или искусственную.

Сомнений не было! Мой красавец прекрасно знал этот прием и проделывал его с безупречной ловкостью. Так как

он не имел ни удочки, ни лески, ни наживки, то все это заменил ему собственный хвост. А своим терпением, неподвижностью и точностью он мог бы послужить примером для самого отважного ловца форели.

Это было настоящее чудо – видеть пучочек волосков, слегка касавшихся спокойной воды, иногда слабо шевелящихся, затем неподвижно замирающих в середине концентрических кругов, чтобы потом прийти в сильное движение с нерегулярными рывками, имитируя конвульсии утопающей, мухи, да так, что трудно было не ошибиться!

Ах, черт возьми! Если рыбка не клюнет, то лишь потому, что в высшей степени нежна и недоверчива.

Едва я так подумал, как увидел, что вода вспенилась, словно от внутреннего толчка, прямо под хвостом возник водоворот, и кончик был прожорливо схвачен.

С дьявольской точностью когтистая лапа устремилась в самую середину воронки и без видимого усилия, словно кот пескаря, ягуар поймал за жабры рыбину весом в одиннадцать килограммов.

Несмотря на конвульсии, рыба, – это был один из видов лосося, называемый индейцами пираруку, – была отброшена на десять метров от берега и поймана на лету соскочившим на землю ловким рыболовом.

В тот момент, когда он собирался наконец спокойно пообедать, мое внезапное вмешательство разрушило все его планы. И я, и Йарурри были голодны, поэтому пераруку, под-

жаренная на вертеле или раскаленных углях, вполне бы подошла нам.

Поскольку было бы глупо предположить, что ягуар добровольно уступит свою добычу, я приготовился захватить ее силой.

Быстро раздвинув ветки, за которыми мы скрывались, я прицелился в хищника, сжимавшего в когтях рыбу и жадно впившегося зубами в ее голову.

К моему величайшему удивлению, пока я пытался прицелиться, он, бросив добычу, внезапно обратился в бегство и скрылся в чаще леса.

Это было больше чем бегство. Это было, безусловно, полное и безвозвратное исчезновение. Я не мог поверить собственным глазам, ибо это исчезновение сильного, как королевский тигр, вполовину превышающего своими размерами пантеру и явно голодного зверя перевернуло все мои представления о кровожадности больших хищников.

Решительно, мой друг-укротитель оказался прав. На свободе эти животные бросаются наутек при приближении человека.

И вот доказательство: не торопясь разделив мой багаж на две партии и не спеша переплыв реку, мы завладели брошенным ягуаром лососем, а ягуар и не помыслил воспротивиться такому бесчестному захвату своей собственности.

Самое большее, на что он решился, – глухое ворчание, раздававшееся по временам под лесными сводами, пока ин-

деец поджаривал рыбу, изысканный запах которой быстро распространился по округе.

Основательно подкрепившись, мы великодушно уступили значительную часть добычи нашему поставщику, продолжавшему ворчать невдалеке и не решавшемуся, однако, подойти.

Затем, оставив стол накрытым, ушли.

Думаю, что пятнистый рыболов не стал привередничать.